

Филадельфия, 1972 год. Во время репетиций оркестра Филадельфийской филармонии на сцену поднимаются одетый во все темное человек и кратко представляется:
 — Композитор из России.
Оркестранты вяло бряцают смычками о попстры. (Принятое в музыкальных кругах приветствие.) Назвавший себя русским композитором, небрежно засунув руку в карман брюк, садится на краешек стула и начинает дирижировать. Музыканты, словно вторя ему, играют точно, но равнодушно. Но вот он поднимается во весь рост, и движения его рук мало-помалу начинают приобретать железную четкость, а жест пресекает любую попытку оркестрантов отклониться от требуемого звучания.
 — После нескольких первых тактов, — расскажет затем американский виолончелист, — я понял, что против воли этого человека я и одной ноты не смогу сыграть.
 От первого до последнего звука этот "непостижимый русский" заставляет играть оркестр на пределе своих возможностей. После финала американские музыканты вскакивают со своих мест, стоя, без конца аплодируют русскому маэстро.
 Так Америка впервые узнала Евгения Светланова.

"Для меня написать симфонию — значит создать мир".
 Густав Малер.

В маленькой гримерной, где маэстро переодевается перед концертом, плотные шторы почти полностью закрывают окно. Светланов сидит спиной к окну на узком жестком диване.
 — Евгений Федорович, что вы делаете, когда на душе тяжело?
 — Я слушаю музыку. Каждый день.
 — Есть ли музыка, которой вы всегда отдаёте предпочтение?
 — Ее немало. Чаще всего я слушаю ту музыку, которая соответствует моему состоянию души, или же те произведения, которые мне как дирижеру предстоит исполнить. Мы сейчас работаем над записью всех симфоний Малера, поэтому чаще всего я слушаю именно их. В самых разных исполнениях.
 — Когда вы чем-то недовольны, вы прячете злость в себе или вымещаете ее на окружающих?
 — Я пытаюсь сдерживаться и каждый раз вспоминаю великих Бернштейна и Караяна, которые никогда не повышали голоса на оркестр. Не высказывая своего недовольства виновнику, я коплю его в себе и иногда, каюсь, изливаю на близких. На оркестр я никогда не срываюсь.
 — Как вы думаете, людям с вами легко или трудно?
 — Не вы первый спрашиваете об этом. Характер у меня тяжелый, я совсем не подарок. В жизни и тем более в работе я максималист. И если, в свои 67 лет работаю с полной отдачей, думаю, что это дает мне некоторое право ожидать того же и от других.
 — С языка срывается... неужели удастся получить такую отдачу?
 — К сожалению, далеко не всегда.
 — Когда вам труднее всего работать с музыкантами?
 — Тридцать лет я выхожу за пульт Госоркестра и тридцать лет изо дня в день я чувствую, как это ни парадоксально, внутреннее сопротивление музыкантов оркестра. Чтобы исполнить произведение так, как я его чувствую и слышу, мне необходимо увлечь их музыкой, обратить в свою веру так тонко, чтобы они сами этого не заметили и поверили в мое прочтение, как в свое собственное.
 — Поделитесь секретом подхода к музыкантам?
 — В процессе репетиции я почти не говорю, стараюсь все показывать жестом. Дирижерский пульт — это не трибуна. Сотрясать воздух громкими словами о том, как маэстро музыку чувствует, может и студент. Чувство необходимо вкладывать в жест. Поскольку музыка интернациональна, дирижер с хорошей мануальной техникой, знающий, чего он хочет добиться от оркестрантов, и обладающий определенной энергетикой, способен без знания языка заставить играть любой оркестр мира.
 — У дирижера есть своего рода профессиональные заповеди?
 — Этого, конечно, никто не записывал и специально не придумывал, но думаю, что для настоящего дирижера самое главное не мешать оркестру исполнять музыку.
 — Есть музыка, которую вы не станете дирижировать?
 — Это та музыка, которая лишена мелодической основы. Поэтому мне всегда трудно решиться дирижировать музыку многих современных композиторов. Боюсь, авангардная музыка просто не по мне.

Музыканты знают, что в профессиональном плане он выше их на несколько голов, и с ним они играют лучше, нежели вообще способны играть. Тем более что он умеет услышать и увидеть в процессе работы буквально каждого исполнителя. Нередко, замечая ошибку, он останавливает оркестр и словно камнеет в молчании. В таких случаях выматывающая пауза может длиться сколь угодно долго. В гнетущем молчании тот, кто "не прав", раскается в ошибке всем своим сознанием. Евгений Федорович действительно почти ничего не говорит на репетициях. Все показывает коротким исчерпывающим жестом. Его работоспособности можно только позавидовать.

видовать. Пауз и остановок для себя он не делает. Склонившись над пультом, Светланов словно уходит в партитуру целиком, и в этот момент больше похож на средних размеров медведя, навсегда залегшего в берлогу музыки.
 Но и после многочасовых репетиций работа не заканчивается. По свидетельствам близких к Светланову людей, мир вне домашних стен выпадает из его сознания начисто. Вокруг как будто ничего не происходит, кроме звучания той или иной музыки. До поздней ночи, страдая бессонницей, он слушает, смотрит записи выступлений и пишет. Музыка неотступно следует за ним. Но он вечно недоволен собой и своей работой. За улыбкой на сцене всегда прячется неудовлетворение исполнением. Ему вечно кажется, что можно было сыграть лучше. Люди, знающие его не одно десятилетие, говорят, что от прослушивания ранних своих же записей Светланов способен прийти к неожиданному выводу, что какие-то произведения несколько лет назад

сто гулял по улицам. Во время репетиций и концертов я даже не вспоминаю об этом. Но и в остальное время как-то не получается. Москва шумная и надоедливая. Мне кажется, что и живет она по-настоящему только ночью. Москва со временем становится только моложе, а я старею, и полуночные бдения моих соседей по дому раздражают и злят. Другое дело, Николина гора, у нас там дача. Тихо, воздух, природа, никто не мешает думать и слушать.
 — В этом и заключается весь ваш отдых?
 — С отдыхом всегда довольно трудно, но все же, когда удается выкроить свободный час, я с удовольствием ужу рыбу.
 — Рыбного места вы, конечно, не выдвигаете?
 — Это довольно далеко и потому, наверное, не секрет. Последние годы отпуск я провожу в одном и том же месте в Швеции, неподалеку от Стокгольма. Там во фьордах в огромных количествах водит-

жеров вы цените больше всего?
 — Геннадий Рождественский, Юрий Темирканов, Валерий Гергиев.
 — Великий дирижер — он обязательно реформатор?
 — Думаю, что не обязательно. Или, еще точнее, не только реформатор, но и консерватор в лучшем смысле этого слова. Я сам весьма консервативный человек и в жизни, и в музыке, хотя и новаторство мне не чуждо.
 — Чем, по вашему мнению, отличаются наши симфонические оркестры от западных?
 — Сбалансированность звучания, ансамблевость игры, точность строя и интонации, ответственность, с которой музыканты относятся к работе, замечательная дисциплина — все это, увы, достоинства, скорее, западных оркестров, чем российских. Но такого сотворчества, эмоциональной отдачи и подчас глубочайшего проникновения в суть произведения, как у наших оркестрантов, нет нигде.

Моск. камерному - 1995. 23 дек. - с. 2.
ЕВГЕНИЙ СВЕТЛАНОВ:

«Я СОВСЕМ НЕ ПОДАРОК»
 МАЭСТРО ПОДЧИНЯЕТ СЕБЕ ВОЛЮ МУЗЫКАНТОВ ОДИМ КИВКОМ ГОЛОВЫ

БРОСОК В ВЕЧНОСТЬ...
 его оркестр играл лучше и ярче. Ему невозможно угодить. За его желаниями и настроением невозможно уследить. Больше всего от его характера страдают те, кому приходится выполнять его требования немедленно и на все сто процентов. В былые времена он мог позвонить в полночь и назначить на утро незапланированную ранее репетицию или даже запись.
 Судя по высказываниям самих музыкантов, совместить творчество и коммерцию, даже ради заработка оркестрантов в нелегкие времена, он практически не в состоянии. До последнего времени Светланов не интересовался и не знал, как и на что живут его музыканты, и был крайне неговорчив в выборе солистов и маршрутов гастролей. Во всем музыкальном мире маэстро боготворят, но терпят его характер из последних сил. Светланов не читает газет и журналов, редко смотрит телевизор, в основном слушает радио, да и то лишь потому, что это еще одна возможность услышать музыку. Он не подходит к телефону сам, не звонит и не встречается с друзьями, не выходит на улицу целыми сутками, если в этом нет крайней необходимости. Маэстро не переносит шума, яркого света и резких движений. Когда он работает, он забывает о еде и сне. Болезни и усталость, замерев, терпеливо ждут, когда же у этого человека иссякнут силы и бесконечное внутреннее недовольство собой закончится. Великий дирижер Светланов живет в вакууме и общается, скорее, с тенями умерших выдающихся музыкантов, чем с живыми и так нуждающимися в нем людьми. Он словно питается энергией прежних исполнений. И, может быть, именно в этом его музыкальный феномен — по мнению специалистов, с годами его исполнение становится все тоньше, а жест, экспрессивный в молодости, словно успокаивается и уходит глубоко внутрь. Оркестр реагирует уже не на взмахи рук, а на движения пальцев, мускулов лица и вздрагивания бровей и ресниц. Светланов непостижим и неисчерпаем. Осознавая это, мир давно стоит перед ним, сняв шляпу.

Вы любите Москву? Когда последний раз бродили по ней?
 (Светланов задумывается.)
 — Я люблю Москву, но, честно сказать, не помню, когда последний раз про-

скажешь. Кстати, и белых грибов там хоть косою коси.
 — Кем вы хотели быть в детстве?
 — Ответом типа: "Мечтал быть космонавтом или путешественником", я вас не обрадую. С самого рождения вся моя жизнь протекала внутри и вокруг Большого театра. И, наверное, поэтому я с детства стремился к музыке.
 — Что вас больше всего раздражает в людях?
 — Непорядочность, лицемерие и жадность.
 — Вам бы хотелось в нем-либо изменить свою жизнь, если бы она повторилась?
 — Нет. По ходу жизни я ставил себе цели и, думаю, что достигал их. Был дирижером, а затем и главным дирижером Большого театра. Кое-что успел сделать. Мечтал записать звучащую антологию русской музыки и сделал это. После этого записал все 27 симфоний Мясковского — в какой-то мере выполнил долг по музыкальной реабилитации этого великого мастера, а сейчас "пишу" все симфонии гениального Густава Малера. Я свое дело сделал. Нет причин менять что-либо или сожалеть о сделанном.
 — Думаете ли вы о своем возможном наследнике, и если да, то кто это может быть?
 — Честно скажу: не думаю и не представляю. Раньше еще... пока.
 — Сейчас многие творческие люди втягиваются в политику. Вас не тянет?
 — Вот уж куда не тянет, так туда. Я совершенно аполитичный человек. Да и к тому же политика в отличие от музыки чаще всего безнравственна.
 — Самые приятные слова, которые вам довелось услышать в свой адрес?
 — ...Их было столько... Может быть, последнее, что помню, это в Вене в знаменитом "Мюзикферраине" после исполнения 9-й симфонии Малера ко мне подошла и поблагодарила за концерт... внучка самого Малера.
 — Вы ощущаете себя гениальным человеком?
 — Нет. В нашем веке гениальных людей моей профессии было лишь трое: Караян, Бернштейн и Мравинский. Все остальные дирижеры, в том числе и я, как бы там ни хотелось, никогда к этим трем не приближались.
 — Кого из ныне живущих российских дири-

жеров вы цените больше всего?
 — Не заслоняла ли музыка и профессиональное занятие ею чего-либо просто человеческого в нас?
 — Не делайте вопрос столь трагедийным. Я живу музыкой. Все остальное для меня второстепенно. Я знаю, что я неважный друг, у меня вообще очень мало друзей, я часто подолгу с ними не встречаюсь и не знаю, что происходит в их жизни. Конечно, это меня не красит.
 — Когда у музыканта-дирижера заканчивается работа и начинается непосредственно творчество?
 — Завтра утром, во время репетиции, я подйду к пульту, дам вступление и с первого такта должно начаться творчество. Границы между "работой" и "творчеством" для меня не существуют.
Может быть, Его Время прошло. Люди, еще недавно олицетворявшие государство и чьим лицом он всегда был, умерли или сошли с политической сцены. Старые друзья растворились в сумятице прошедших десяти лет. Новых в его возрасте не находят. Все, что раньше связывало его с миром (вне музыки), постепенно рушится и исчезает. Он почти не бывает в России. Здешня неразбериха и неустойчивость его мучает. Его слушатели и почитатели стареют. Молодежь, если и помнит, то скорее не о нем, а о тех его коллегах, кто чаще других засвечивается на экранах телевизоров.
 Когда-то очень давно Светланов поставил на сцене Большого театра "Легенду о невидимом граде Китеже". ...В ясную погоду в прозрачной воде тихого озера светятся купола и дворцы великого города и слышен тихий колокольный звон.
 Лихоlette Светланову ничем. Можно не сомневаться, что его имя и дело еще очень долго будут "просвечиваться" сквозь прозрачную воду русской музыки.
 В этом случае колокольный звон подводному Китежу-Светланову исполнит, ставший благодаря ему бессмертным, Госоркестр.
 Василий ПЧЕЛИНЦЕВ-НОВОГОРСКИЙ.
 Фото из архива Госоркестра.